

Вернувшись домой, он вымыл ноги и намазал их мазью. Лампа у дивана горела; книга, которую листал Юн Цзинь, лежала на столике. Он молча сел на то место, где сидел Юн Цзинь: казалось, там ещё сохранилось чье-то тепло. Он закрыл книгу, поставил на место, выключил свет и задернул шторы. словно того человека и не было, он вернулся в постель и постарался больше ни о чём не думать.

Снился долгий и обрывочный сон. Во сне Юн Цзинь столкнул его в окно, и он падал с высоты, но не один — Юн Цзинь падал вместе с ним. В свисте ледяного ветра он услышал, как тот смеётся и говорит:

— Умереть под пионом — и призраком остаться повесой.

Они падали и падали, но не разбились о землю в кровавое пятно, а провалились в знакомый автомобиль.

Юн Цзинь сжимал его лодыжку, ладонь горела огнём, обжигая кость:

— Это ты первым начал меня провоцировать.

Тогда он прижал Юн Цзиня к себе, и во сне генерал-майор перестал быть суровым и холодным. Он лишь безмолвно позволил расстегнуть пуговицы, обнажив гладкую грудь и рельефный пресс. Взгляд Чжоу Цзюня был затуманен: кожа была слишком чистой, на ней должны были быть шрамы.

Он провёл рукой по этой коже, от прикосновения тихо вздохнув. Опустив глаза, стал целовать её с благоговением, оставляя на теле свой запах. В следующий миг мир перевернулся, и он оказался запутанным в слоях белых простыней; ткань закрывала лицо, лишь слабый свет пробивался сквозь щели, падая на глаза.

Чжоу Цзюнь дрыгал ногами во сне, ему было страшно и больно. Да, именно больно — словно что-то вопреки его воле насильно вторглось внутрь, похожее на горячую змею, обвивавшую и проникавшую в самое сокровенное место. Чжоу Цзюню казалось, что он плачет, без умолку. Простыни сбрасывались слоями, словно открывалось множество окон, позволяя ему увидеть лицо в самой глубине.

Это был снова Юн Цзинь, лицо, искажившееся от похоти, нахмуренные брови, сжатые губы, красные веки. Капля пота скатилась со лба на его щеку, смешалась со слезами и потекла по лицу к шее. Он видел, как Юн Цзинь проявил невиданную нежность, целовал его в виски и глаза и тихо сказал:

— Не плачь, я больше не буду.

Ощущение падения пронзило всё тело, и Чжоу Цзюнь резко проснулся в собственной постели. Яркое солнце ложилось на ковёр сквозь шторы, уличный шум наполнял комнату. За дверью спальни слышались шаги няни. Утро наступило. Чжоу Цзюнь пребывал в замешательстве, словно ещё не смог выбраться из того сладострастного сна.

Горло пересохло, внизу было влажно, каждое дыхание обжигало. Голова раскалывалась, как от удара молотом, заставляя его с хрипом позвать няню. У него действительно была температура. Он болел редко, в прошлый раз тяжело — уже не помнил когда, кажется, тоже в это время года, тогда он горел в бреду, ничего не осознавая.

«Днём — мысли, ночью — сны». Ежедневные сны, и всё — эротические. После нескольких

таких ночей болезнь Чжоу Цзюня усилилась; лежа в постели с сильной простудой, он стал капризным. Держа няню за руку, с влажными глазами, гнусавым голосом он просил её обязательно заметить, если с ним что-то случится, и срочно отвезти в больницу. Всё ли готово из лекарств, не добавить ли одеяло.

Он хотел доплатить няне, чтобы она осталась на ночь: вдруг ночью захочется пить и он упадёт в обмороке на кухне. Няня, послужившая во многих домах, знала мужскую повадку превращать простуду в смертельную болезнь, и решительно отказалась от денег. У дочери родился ребёнок, ей нужно было ухаживать за внуком, и удержать её было невозможно.

Господин Чжоу остался один, больной и одинокий, чувствуя себя брошенным всем миром. Когда человек болеет, душа пустеет, а в пустоте плодятся мысли. Чаще всего он думал о виновнике своих эротических снов. Тот действительно у той самой ночью и больше не появлялся. Чжоу Цзюнь лежал, страдая от головной боли, и всячески проклинал его в мыслях.

Он же не знал, что виновник на самом деле приезжал несколько раз, просто парковался внизу, выкуривал пару сигарет и уезжал. В тот день Чжоу Цзюню стало чуть лучше, он сделал себе кофе и, открыв окно, чтобы посмотреть на ночной город, сразу увидел знакомую машину внизу. Глаза Чжоу Цзюня расширились, он бросился в комнату за биноклем.

Тяжёлый бинокль пришлось подносить к окну: как раз вовремя, чтобы увидеть руку генерал-майора Юн, высунувшуюся в окно машины, стряхивающую пепел. Это точно был генерал-майор Юн, в знакомых белых перчатках. Когда Чжоу Цзюнь спустился вниз, увидел лишь корму машины — она снова ускользнула. Слишком уж часто она ускользала, но в этот раз досады не было.

Чжоу Цзюнь чувствовал, как пот выступает из каждой поры; интенсивное движение прочистило заложенный нос. словно какое-то чудо-средство: на следующий день Чжоу Цзюнь был совершенно здоров, хотя вчера еле мог встать. Няня наливала цветочный чай в фарфоровую чашку и, глядя на сияющего господина за столиком на солнце, про себя думала своё.

Мисс Вэнь, с которой давно не общались, вдруг решила ностальгировать: вместо звонков стала писать письма. Бумага пахла её духами, почерк был красивым. Получив письмо, Чжоу Цзюнь, сидя на солнце, ответил на нём и приложил к ответу ожерелье. Через несколько дней господин Чжоу получил звонок от мисс Вэнь. Женщина в трубке упрекала его в черствости: она писала ему несколько дней подряд, а Стисон не ответил ни на одно письмо.

Чжоу Цзюнь почувствовал себя несправедливо обиженным: он-то ответил, да и последующие письма мисс Вэнь он действительно не получал. Переговорив по телефону, они поняли, что письма затерялись. Мисс Вэнь вздохнула:

— Стисон, я ещё отправила тебе приглашение. Было вложено в третье письмо, хотела, чтобы ты стал моим кавалером.

Получив согласие Чжоу Цзюня и утвердив дату, мисс Вэнь с досадой добавила:

— Больше никто писем не пошлю. Лучше звонить. А то возникнет недопонимание, не разберёшь — и будет обидно.

Они так и не узнали, куда делась почта, и тему закрыли. В назначенный день Чжоу Цзюнь заехал за мисс Вэнь, и, войдя в танцевальный зал, они неожиданно встретили одного человека. Точнее, удивилась мисс Вэнь: на вечере было не только веселье и танцы, но и выступание

танцовщиц. Смелые дамы, завидев подходящего мужчину, сами приглашали на танец. Вино, сигареты, ярко одетые мужчины и женщины — атмосфера роскоши с едва уловимым оттенком похоти. Выпив, можно было заприметить незнакомца и завязать роман.

Мисс Вэнь приподняла изящный веер, прикрывая рот, и прошептала Чжоу Цзюню:

— Это ведь генерал-майор Юн? Говорят, он презирает подобные места. Как он оказался здесь?

Взгляд Чжоу Цзюня, остановившись на том человеке, больше не отрывался. Услышав слова мисс Вэнь, он нахмурился. Да, что это за место? Генерал-майор Юн здесь... Не успел он додумать мысль, как увидел даму, направляющуюся к генерал-майору.

В тот день генерал-майор Юн, нарушив привычку носить военную форму или элегантный костюм, был в рубашке европейского покроя. Чёрные брюки были заправлены в сапоги, воротник расстёгнут, обнажая линию ключиц и груди. Генерал-майор сидел, держа бокал и делая небольшие глотки, не глядя ни на кого, даже не бросив взгляда в сторону Чжоу Цзюня.

Женщина наклонилась к уху генерал-майора Юн; её фигура была соблазнительной, чулки виднелись из-под обтягивающей юбки, переходя в маленькие красные туфли на каблуках. Неизвестно что она сказала, но Чжоу Цзюнь увидел, как генерал-майор слегка улыбнулся. Улыбка поразила не только его, но и мисс Вэнь. Тон её изменился от недоумения до восхищения, и по женской привычке она сказала своему кавалеру:

— Генерал-майор Юн тоже оказался человек страстный. Интересно, кому сегодня улыбнётся удача и кто уйдёт с ним.

Лицо её кавалера сразу изменилось, гнев было невозможно скрыть. Он смотрел в сторону генерал-майора Юн сверкающими глазами. Мисс Вэнь помахала веером, скрывая улыбку. Она считала, что мужчины по натуре соперники, особенно когда слышат, как женщина, которая им нравится, хвалит другого. Гнев Чжоу Цзюня тоже был вызван ревностью к ней, и ей нравилось, когда мужчины злятся из-за неё.

<http://bllate.org/book/16825/1547283>